

Лебеденко Елена Юрьевна

к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: hyulebed@mail.ru**Суржикова Наталья Викторовна**

д.и.н., заместитель директора, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: snvplus@mail.ru**МЕЖДУ «ГОРОДОМ-СКАЗКОЙ», «КУЛЬТУРНЫМ ГОРОДОМ»
И «ПРЕСКВЕРНЫМ ГОРОДИШКОМ»: СОВЕТСКИЙ ГОРОД
В ДНЕВНИКЕ ПРОВИНЦИАЛКИ КОНЦА 1940-х — НАЧАЛА 1950-х гг.**

УДК 94(47)“1940/1950”

В докладе рассматриваются варианты презентации советского города в дневнике советской провинциалки конца 1940-х — начала 1950-х гг. Демонстрируется, что дайаристка, несмотря на давление пропагандистских клише, сумела увидеть в «анатомии» каждого советского города что-то особенное.

Ключевые слова: дневник, «анатомия» города, иерархия, «советскость», дискурс

Автор изучаемого нами дневника, а точнее фрагмента дневника¹, Татьяна Дорощеевна Ходолей-Рожкова (1904–1985), родилась в Киеве, в семье инженера-лесоведа, потомственного почетного гражданина. В Киеве же прошло ее детство, совпавшее с эпохой войн и революций. Образование Таня получила в Киевском железнодорожном техникуме, Киевском высшем техникуме внешних сношений и Московском промышленно-экономическом институте. В Москве, куда семья Рожковых переехала в 1927 г., Татьяна обучалась не только в институте, но и на Высших литературных курсах им. В. Брюсова вплоть до их ликвидации в 1929 г. Семей для Т. Рожковой был любимым отец, вместе с которым в 1941 г. она оказалась в эвакуации в Тюмени. Здесь ее ждала работа в центральной городской библиотеке, редакции газеты «Красное знамя» (позже — «Тюменская правда»), областном музее. В 1947 г. в жизни Т. Рожковой наступил новый период, связанный с ее переходом на работу в Тюменский областной архивный отдел. С тех пор архивная работа стала делом всей ее жизни, сначала она занималась им в Тюмени, а затем, с 1955 г., в Тобольске, в архиве которого и хранятся ее дневники, включая так называемые «Сибирские тетради» конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Т. Д. Рожкова, обычная советская провинциалка, была человеком, не только много читавшим, но и много писавшим — с одной стороны, и человеком, часто и охотно ездившим как по личным делам, так и делам службы — с другой. Оба эти обстоятельства оказали самое непосредственное влияние на ее дневник в целом и на его отдельные страницы в частности. Некоторые из этих страниц посвящены теме города, хотя дайаристка, конечно, вряд ли воспринимала ее как особую тему, просто описывая в дневнике увиденные ею места и местечки. Москва, Тюмень, Свердловск, Тобольск, Ханты-Мансийск, Салехард, Самарово — именно такой их перечень позволяют составить дневниковые записи Т.Д. Рожковой конца 1940-х — начала 1950-х гг. Выстраивать на основе этого перечня иерархию советских городов и весей, исходя из их «советскости», бессмысленно: она очевидна, начинаясь со столичной Москвы и замыкаясь захолустным Самарово. Вместе с тем, при кажущейся очевидности этой иерархии «эпитеты» и суждения дайаристки, связанные с «городской темой», весьма любопытны как с точки зрения отражения общего настроения эпохи, так и с точки зрения личного, «единичного» взгляда на «анатомию» [1] советского города.

Сразу отметим, взгляд этот у Т. Д. Рожковой весьма далек от документальной точности и всегда эмоционально наполнен. Так, в случае с Москвой его наполняют восхищение и любование. «Около 12 ч[асов] двинули по Тверской — вниз на Красную площадь. Впечатления прекрасные и незабываемые от всего виденного. Ради такого дня можно год поскучать в Тюмени. Улица Горького преобразилась — на

¹ См. подробнее: [4, 5].

ней как в Сказке повыврастали целые дворцы, а вдоль них зазеленели молодые липы. У Охотного ряда наша колонна поравнялась с другим, идущими со всех сторон колоннами. Картина ослепительная — движущиеся сплошным потоком праздничные колонны, над которыми реют алые знамена, звуки многочисленных оркестров, яркий майский день, блеск солнца. — Хороша была Москва в этот час!» — записала дайаристка в дневнике 5 мая 1950 г., характеризуя первомайскую Москву не просто как праздничную, что ожидаемо. Главное здесь — восприятие Москвы как города-сказки, насыщенного светом, цветом, звуком и движением. Напоминая репортаж, этот фрагмент дневника Т. Д. Рожковой напрямую отсылает к газетному — и не только газетному — дискурсу позднесталинской эпохи со свойственным ему пафосом движения, энергии и устремленности к лучшему².

Этим же пафосом проникнуто описание Свердловска: «Я очарована Свердловском. Я никак не предполагала, что “столица индустриального Урала” — такой милый “южный” город, ... напоминающий чем-то может быть Ростов-на-Дону. Он весь такой светлый, праздничный и главное настоящий культурный город, а не захолустная деревня вроде Тюмени богоспасаемой. Дома сразу выделяются конструктивные схемы Первой пятилетки и более парадные и эффектные дома последних лет [так в тексте — *Е. Л., Н. С.*]. А размах площадей и простор проспектов, а растущие новостройки. Хорош был город в золоте заката. Да, жить бы здесь, в душе бы не было такой тоски и унынья. Душа города светла и над ней веет полет творческой мысли. Воздух тут легче, чем в ... Тюмени. Люди иные — выше, культурнее намного...»³ Примечательно, что «лицо» города при этом маркировано не только в соответствии с уже сложившимися представлениями о советском Свердловске как о городе индустриальном. Здесь важна еще и пропагандистская риторика «культурности», еще в 1930-е гг. транслировавшаяся из области «большой» государственной политики и политизированной эстетики в сферу повседневности и в конечном итоге фактически синонимизировавшаяся с «советскостью»⁴. Тем самым через пафос созидания Т. Д. Рожкова неосознанно охарактеризовала Свердловск не просто как город новостроек, но и как город-кузницу новых — советских — людей.

Двойственны и противоречивы в дневнике Т. Д. Рожковой образы другого советского города — Тюмени. Это связано с тем, что здесь она не просто (по)бывала — здесь она жила. Сетую на очевидную провинциальность и социальное неблагополучие Тюмени, дайаристка, однако, нашла для ее описания добрые слова. Подобрать их ей помогло историческое прошлое города, которое как бы компенсировало факт отсутствия в Тюмени, городе с «сельским, деревенским уютом», масштабных строек и иных выраженных признаков «советскости»: «Спускается тихий вечер над бескрайними Сибирскими просторами... В окно мне виден противоположный берег зеленого лога, на краю которого стоит наш домик и на нем бывший гостинный двор — теперь военная часть там помещается, неизменно напоминая мне о былой казачьей команде, о которой мне нередко попадаются документы в XVIII в. ... По дну зеленого лога немолчно и тихо звеня бежит широкий ручей (прежняя река Тюменка)... Древнее Кучумово городище! Из этого ручья кучумовы жены наполняли звонкие узкогорлые кувшины студеной водой. Чудесный золотой покой!»⁵

Усиливая внимание на нетронутой завораживающей природе вокруг, Т. Д. Рожкова компенсировала провинциальность другого захолустья: «Вот наконец и Ханты-Мансийск. Он произвел очень милое впечатление. Домики чистенькие — новые. Выстроен по плану. Кругом сопки покрытые кедровым лесом, вдали бескрайний разлив Иртыша синий, синий, как море. Воздух напоен легким запахом пихты и кедра. Тюменским блатом и спекуляцией и не пахнет. Настоящий Социалистичный город... Очаровательный город, чудесный светлый покой охватывает душу... Лес новый, красивый, незнакомый — шумит, шумит — зеленый, пушистый, загадочный, полный ароматов и тайны... Мерный звон

² Рожкова Т. Д. Дневник, 1947–1951 гг. // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 82об. Запись от 5 мая 1950 г.

³ Там же. Л. 189. Запись от 14 декабря 1950 г.

⁴ См. подробнее, напр.: [3].

⁵ ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 43, 45. Записи от 13 и 14 августа 1949 г.

колокольчиков — стадо идет домой»⁶. Надеясь Ханты-Мансийск городом, — а он им уже активно назывался, хотя официально стал только в 1950 г., — дайристка фактически признавала, что дикая, неподчиненная природа быть городу советским не мешала, хотя и сообщала ему явное «анатомическое» отличие от рукотворных Москвы, Свердловска и т.д.

Еще более отличен Салехард. Серый и деревянный, он оставил у Т. Д. Рожковой в основном негативное, где-то даже гнетущее впечатление: «Вот я и в Сале-Харде. Прескверный городишко — напоминает багажный склад или товарное отделение — сплошные серые доски справа, слева сверху и снизу, а вокруг резкий пронзительный и пронизывающий ветер. Милый лесной Хантэ-Мансийск по сравнению с этим багажным отделением просто нежная пастушеская идиллия... И напрасно мне говорил заполярный энтузиаст, диссертант К[...], что Сале-Хард — это советский Клондайк. Золотоискательная или изыскательная горячка, вино, деньги, собаки, крепкие морские волки и прочее... Ничего этого не вижу абсолютно...», — отметила дайристка при первом знакомстве с городом⁷. Однако, покидая его, Т. Д. Рожкова все-таки признала: «Да, все же напоминает Клондайки. Все время шныряют самолеты экспедиций и во двор везут горы оленьих шкур и мешки...»⁸ Соглашаясь с тем, что «полярная собака», «холодный ветер Арктики», «северная белая ночь», «заполярная ромашка» и т. п. звучало значительно, главной достопримечательностью Салехарда дайристка определила далекие горы Полярного Урала. Ничего привычно советского и прежде всего чего-то вновь построенного она здесь не увидела, почему при описании города Т. Д. Рожкова и пыталась «примерить» на Салехард знакомые ей с детства образы из произведений Дж. Лондона и Л. Буссенара, осторожно миксуя их с арктическим советским мифом и привычными для него составляющими покорения Севера (экспедиции, авиация и пр.)⁹.

Очевидно, что, несмотря на давление пропагандистских штампов, Т. Д. Рожкова сумела увидеть в «анатомии» каждого советского города что-то свое, особенное. Именно поэтому, в целом сохранив приверженность декларируемым критериям их оценки, она оказалась не готова к их однозначному ранжированию, решив для себя эту проблему посредством еще одного расхожего советского клише: «Наша родина так хороша, что везде есть чудесные уголки, и на Севере, и на Юге, и на Западе, и на Востоке»¹⁰. При этом отметим, что выбирая место собственного пристанища, Т. Д. Рожкова в конце концов остановилась на Тобольске, но это уже совсем другая история, — история о зафасадной советской действительности, мнимых и реальных, с точки зрения советского обывателя, городских благ, бытовом комфорте и его мерилах, — история о том, что наряду с иерархией городов и весей, основанной на принципе «советскости», имела место и совсем другая иерархия, которая требует другого, специального разговора.

Литература и источники

1. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М., 2009.
2. Бугаева Л. Д. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. № 8. С. 220–243.
3. Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
4. Лебеде́нко Е. Ю., Суржи́кова Н. В. Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 1 (52). С. 168–180.
5. Лебеде́нко Е. Ю., Суржи́кова Н. В. «Нет, хорошо жить на свете все-таки!..»: счастье, любовь и время в дневнике советской провинциалки середины XX в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 180–189.

⁶ Там же. Л. 4–4об. Записи от 10 и 11 июля 1947 г.

⁷ Там же. Л. 15–16. Запись от 14 августа 1947 г.

⁸ Там же. Л. 16об. Запись от 15 августа 1947 г.

⁹ См. об этом подробнее: [2].

¹⁰ ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 45. Запись от 14 августа 1949 г.

Elena Yu. Lebedenko

Candidate of the Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: hyulebed@mail.ru

Nataliya V. Surzhikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: snvplus@mail.ru

**BETWEEN A “FAIRY TALE CITY”, “CULTURAL CITY” AND A “BAD TOWN”:
A SOVIET CITY IN A PROVINCIAL WOMAN’S DIARY
OF THE LATE 1940s AND EARLY 1950s**

The report discusses options for presenting a Soviet city in the diary of a Soviet provincial woman in the late 1940s — early 1950s. It is shown that the diarist, despite the pressure of propaganda clichés, managed to see something special in the “anatomy” of each Soviet city.

Keywords: diary, “anatomy” of the city, hierarchy, «Sovietness», discourse